

Ernst Křenek.

«REISE BUCH aus DEN ÖSTERREICHISCHEN ALPEN»

Иной раз все «приличия соблюдены»: есть и размер, и рифма – внешние атрибуты поэзии в полной мере присутствуют. Самой поэзии, конечно, нет.

У Кшенека – верлибр, свободные нерифмованные стихи без определённого размера. Задача переводчика – попытаться доказать, что это – поэзия.

Леонид Гофман

Эрнст Кшенек

«Книга путешествий по австрийским Альпам».

1.МОТИВ

Я странствую в надежде
открыть отечество своё.
Всё это в нас:
неверие в себя –
оно у нас в крови,
что для других пустяк,
для нас проблема.
Мы в доме собственном своём -
не дома.

Ох, сколько намешано в нашей крови,
и бездна талантов,
но в главном – бездарны:
бродим туда, сюда,
ищем страну, себя,
чтобы на склоне дней
всё познать,
лишь не понять
только отчизны своей.

Покину я город ради гор,
тех, что в окно мне глядят,
сочувствием их я был окружён
весь горизонт моей жизни.
Странно, неужто обрёл и я
здесь свою отчизну.

2.ТРАНСПОРТ

Горной дорогой
идёт электричка выше, выше,
через лес,
ярко цветущим весенним лугом.

Краем склона вьётся она
тихо-тихо,
будто она часть природы, -
не творенье человека.

А мне милей – автомобилем:
Он едет сладко медленно, вполне
ты ощущаешь край, которым проезжаешь.

Но лишь в автобусе
ты познаёшь людей.
И точность расписания смягчает
общественные нравы пассажиров.
Вот появился кто-то.
а вот другой,
ещё лицо,
ещё...
И шутка лечит
муку тесноты.

Шофёр едва
касается руля,
по старой, немислимо
крутой дороге
ведёт машину
– вовсе не без риска –
и та идёт, идёт... Хватило бы терпенья.
И каждый, приближаясь к цели,
приветливо вам улыбнётся.

Неблагодарно сложная работа.
Кого же нам благодарить,
что путь запутан и опасен,
шофёр отважен и бесстрашен.
Посредственность в цене,
но это тот народ, который,
благодаря таланту
быть безразличным к неудобствам,
преодолеет тяготы дороги.

3. МОНАСТЫРЬ в АЛЬПАХ

Широко простёрся монастырь в долине,
незыблемый и неподвластный течению времени.
При том, что всё в нём есть:
вода и телефон,
и электричество, и туалет. Но никого,
в отличии от нас, не назовёшь здесь – раб техники.

И в вечной тишине большого зала
среди сотен тысяч книг
играет ласковое солнце в полдень
на седых томах и утончённый
монах подскажет в справедливой
гордости невесть откуда взявшимся профанам,
что бы из книг полезней посмотреть.

И сдержанный, он удаляется,
и чувствуешь, что тайна, владевшая
величественным зданием, осталась нераскрытой,
чтоб в монастырской келье в ужин
за вином, ты смог подумать:
что за бессмысленную жизнь ведёшь ты.

4. ПОГОДА

Не балует погода в Альпах,
удобству, пожеланиям туриста
не идёт навстречу.

И ненадёжная, как поставщик,
меняется она час от часу,
от места к месту,

ни разу не давая позабыть,
что обитаем в негостеприимном крае,
что наша жизнь, -
лишь жизнь наполовину, если
не достаёт ей солнца.

Здесь учишься терпению.

Снова, снова
затянутся туманом серым горы
и дождик моросит. И вдруг
наступит ясный вечер, и возникает
уверенность в прекрасном завтра,
но на утро снова дождь...

5. ЧАС ПЕЧАЛИ

Не всякий день поездки счастлив и прекрасен.
Порой преодолевают страхи
без причины,
становится на сердце тяжело.

Не дерзко ль путешествовать из любопытства?
вводить себя в компанию чужую,
лишь только для того, чтоб посмотреть,
как люди здесь живут?

А как ответишь на вопросы:
«Ну, чужестранец вновьприбывший,
что ты привёз нам,
что нашёл ты здесь?
без делового интереса?
без причины?
из любопытства только?» -
как тогда?

А если возвращенье – наказание?
Сумятица и беспорядок
вдруг всё перевернут в дому?
И что тогда?
Чужая комната ночная. Лежу,
но не могу заснуть.
А рядом призраки
растут, растут,
растут и высятся,
и высятся, и душат.

Нас странствие скорей приблизит к смерти,
чем жизнь оседлая.
И каждое прощанье,
оно, – будь самым пустяковым, -
частичка смерти, или
предвестие конца...
Ещё один для гроба гвоздь.

Да, всё, что прожито, уходит
безвозвратно.

Но ранний утра свет
распугивает призраки,
короткий сон, и солнце
призывает к другим
делам... Печаль забыта!

6. ДЕРЕВЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ГОРАХ

Здесь и мертвым на погосте
предстоит лежать наклонно,
если скудная равнина
лишь живым служить должна.

Значит их покой последний
будет им полустояньем,
так же труден, неприкаян,
как прошедшая их жизнь.

На сухих могильных плешах,
куры тощие клюют,
сохнет детское бельё на крестах.

Но не вечен даже этот растревоженный покой.
Только минет десять лет,
то что было, будет вскопано,
в ту же яму на погосте тело новое спешит.

В склепе хрупкие скелеты
распадаются на части,
голый череп ляжет сверху,
в кучу смешанных останков.

И за грошей пятьдесят
каждый может посмотреть на останки.
Здесь и мёртвым заработать должно. Но каким же
будет Воскресенье в этой
долине скорби, если
безмолвно прожитые беды растягиваются,
выпрыгнут покойники из всех могил своих,
чтоб взятые займы гигантские камня
разрушили предвечных Альп покой?

В смущеньи, выходя на белый свет, осознаёшь,
что и живым здесь весело не слишком.

7. ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Бывает день дождливый очень милым.
Наутро, где-то в восемь или девять,
проглянет солнце сквозь туман,
но вскоре скроется
и всё плотнее облака,
накрапывает понемногу дождик,
и знаешь: не протянет он до вечера,
и беспокойство, озабоченность,
уходят. Сегодня
предстоит день отдыха.

Детали, окружающие нас,
вдруг обращают на себя внимание:
вот лужи на дороге,
разбухший в водостоке ручеек
и девушка с зонтом.
После обеда садись к окну, в графине
сверкает тёмно-красное вино,
и не спеша потягивая, можешь
отдаться течению времени.

О, чудный день отдохновенья!
По крыше капли мирные дождя,
И праздность, вкус которой познаваем только здесь.

8.НАШЕ ВИНО (памяти Шуберта)

С Юга и Востока рьяно
осаждают наши вина с наших Альп.
Вот это белое из Вены, а это, что из Гумпольдскирхе,
а вот из Крэмса и Вашау, из Бадена и Зоос,
Пфафштэтена и красное из Фёслау,
и далее на Юг до нашего Штейермарка,
чей возраст равен Лютенбергу.

Обычно наше принижают иностранцы, потому что
оно, по большей части, с виду непритязательно,
его оценит тот, кто знает в этом толк.

Нет ничего прекраснее прогулки
через виноградник ранним летом в горах,
где невообразимо покатыми террасами
в усердии молчаливом неутомимо
серыми опорами карабкаются вверх
зелёные человечки.
Белый домик лоз, изящно прерывает
их милое паломничество, а на самом
верху, где тёмный хвойный лес царит,
меж соснами теснится виноград,
чтобы себя подставить солнцу...

9. ПРЕДЫСТОРИЯ

Что ты уже достиг?
Твой внутренний покой не найден. Но
во времена раздора достичь его так трудно.
Привязанные к суматохе времени, мы – горожане –
направляем взгляд наш в горы, где повсюду
недосягаемый для нас источник жизни,
и каждый дом – свидетельство о лучших временах,
когда мы заодно с природой.
Так существует ли для нас такая связь,
иль порвана она непоправимо?
И подтверждаются крушение ценностей,
и огрубление человека?
Кто даст ответ: откуда мы?
куда?

10. ВВЕРХ И ВНИЗ

Как сумасшедшие, взад-вперёд,
целое лето напролёт
странные люди по Альпам снуют,
будто нависло проклятье над ними,
будто стреляют по ним холостыми.

Нетерпеливо и ревниво,
по кратким указаньям путеводителя, проводника
согласно графику движенья и проспектам,
они бегут,
один туда, другой сюда,
скорей испытывая муку, чем наслаждаясь,
и восклицают:
«Ах, хорошо! как хорошо!»
фотографируя себя и горы,
и ни на что не смотрят,
так как ещё им надо подписать открытки с видом.

Дух мизантропии
здесь набирает силу,
так как каждый встречный -
сердитый конкурент на место
в автомобиле, пансионе,
на лучшую еду и место обзрения,
на ночлег и всё такое...
Бессмысленные хлопоты читаешь
на недовольных лицах, все же долг,
Бог знает, каким демоном навязанный им,
тупо исполняют.
А горы – древние гиганты -
беспечно прячут головы,
пока по ним ступают лилипуты.

11. Жители Альп.

И древние Альпы дикий кочевник заселит.
Со страшным шумом приходят они бушуя,
зимой и летом терпеливый поезд
извергает их толпами. Как саранча
покрывают они эту землю.

С пошлостью, невероятной на фоне ландшафта
громко и резко кричат,
будто хотят пробудить дух этих гор.
Изредка встретишь аборигена,
тупо и угрюмо
созерцающего мерзость,
втихомолку считающего прибыль,
которую с приезжих северян, -
чья речь так необычна,
хотя, они должно быть, немцы, —
он вытянет из их кармана.

Кого ещё назвать, вот гости из-за океана
с их чёрным корабельным чемоданом. Стадные,
бесцеремонные ужасно. Если б у вас имелось
«english church» и «гольф в высокогорье»
они б любезно подвели вас к остальным.
Отель субботним вечером
в миг превратится в сумасшедший дом,
а в зале, дав себе взбодриться пивом,
отчаянно объединятся в пении туземцы.

А на веранде играет старый граммофон
новейшие шедевры,
снаружи мотоциклы взрываются, подобно
ракетам, реющим на поле боя,
и соскочивши с них,
запачканные грязью раскачиваются,
как вымершие чудища в гостиной,
которая гудит от варварского рёва.

Наверное, таким и будет светопреставленье.

12. ПОЛИТИКА.

Братья,
Зачем же в государстве этом быть каждому
и всякому политиком?
Расплачиваемся что ли за грехи мы
неизлечимым помешательством? И разве
мы совершенно разучились жить,
лишь ради жизни
самой? Нам было предназначено
судьбой стоять и управлять,
над многими народами Востока и Юга,
с которыми мы жили вместе.
Но мы не справились с задачей.
Не выдержали испытания, плохими
учителями мы были плохо обучены.

Наказанье было нам ужасным.
Иль вы забыли это?
Братья, вспомните то время,
когда мы ежедневно
умирали тысячами,
выдавая это за детскую игру,
как мучил голод нас,
как нищета и холод, и мрак -
единственными спутниками были
в нашей жизни.

Вспомните, как умирали дети,
истощённые, замёрзшие,
и старики, что подали на улице, подобно
осенним мухам,
если не предпочитали, конечно, на дряхлых
верёвках быть повешенными.

Хорошо, прогнали мы мучителя; но наше
страданье – или потребность в нём -
нам стало так привычно,
что мы теперь хотим друг друга растерзать?
Вы полностью утратили вкус к жизни,
каждый день которой не отравлен желчью?

Братья,

Отправьте, наконец,
кровавого шута домой,
и прекратите смертельный маскарад,
уже довольно!
Или станет хуже,
мы погибнем.

Бросьте взгляд на Запад,
где в высоких горах живёт народ
свободный, учитесь у него,
пока не поздно,
или будет слишком поздно!
Братья, уже давно пора!
Когда кровавый призрак, наконец,
исчезнет в глубине пещеры этих гор,
и камень упадёт,
большой, как черепица
тогда пусть песня зазвучит,
которую еще не знали Альпы!

Братья! Давно пора!

13. ГРОЗА

Вдруг стало темно,
в пространство меж белых вершин
тучи свинцовые страшные
вторглись со всех сторон.
Вновь небеса ниспошлют водопады,
вдруг грянет гром –
перекаты с горы на гору.
Стёртые ноги в воде увязают,
промокший до нитки, смешной
бегством спасается фрак,
он справедливо считает:
не на его стороне природа.
Грозы пройдут, чтоб очиститься нам
от глупости и злости,
закрадывающейся низости!
Верни нам духа ясность,
чтоб воссияла радуга!
Пусть громок шум деревьев,
тёмно-коричневый пусть разбухает ручей,
разверзнется чёрная бездна над нами!

Но сверху, сквозь завесу тёмную дождя
небо блеснёт голубое,
главы высоких вершин
встанут, как призраки. Вот
в мощном крушении свет
падает вниз на ледник,
вниз со сверкнувших вершин
в пропасть – бездонную синь,
мимо чёрных теней,
солнце – вечности свет –
вдруг озаряет долину.

14. НАСТАЛЬГИЯ

Подчас во всём великом и могуче
прекрасном я чувствую тоску
по граду моему.
Так просто всё и прямодушно,
возвышенно и грандиозно в Альпах, но ещё
во всём есть тайна смутной,
волшебной-тёмной,
впечатляющей истории.
На скрытых небольших деталях
ещё сегодня видишь отражение величья,
блеска, скорби
давно прошедших лет, эпох.
Этой древней земле,
с особо устойчивым запахом,
постоянно дающей воплотиться духу
в новой форме,
как божество, играющее с драгоценностями, -
ей доверяю я свои, но далеко
не новые идеи.

Всё это захватывает меня,
когда я иду по улицам,
мимо низких и жёлтых домов.
Сквозь зелёные ворота
я вижу старый дворик с липами.
Здесь складывалась картина полноты той жизни,
что соответствует представлениям о мудрости,
которая, осуществляясь в тесноте,
вмещает весь простор.
И даже, если пространство кажется разрушенным,
верь, что дух всегда пребудет цельным!
И кто б того не отрицал,
я буду оставаться верным.
Он снова силу наберет наверняка,
когда пройдут все заблужденья времени.

15. ЖАРКИЙ ДЕНЬ НА МОРЕ

Всё здесь по-южному мягко,
и солнце светит с жаром непривычным.
А над горизонтом лёгкая витает дымка,
лишь солнце Юга создаёт её, но только,
чтоб та была далёкой и прозрачной.

Что-то вроде надёжности я думал найти здесь:
простёрла крылья благодать над бытием, и ясно, -
жизнь и судьба есть нечто больше, чем борьба.

А где-то, вроде в полдень
витают женских голосов мелодии.
Над морем ничего не шелохнётся,
и только рыба иногда вдруг с тихим плеском
выныривает из воды.

Может, это – та, обетованная земля?
Может, я нашёл тебя, родина моя?

16. ГОРОДК НА ЮГЕ АЛЬП

Узкие улочки низкие, тёмные,
между домами высокими, белыми,
странно сращёнными друг с другом
вместе в один единый дом,
который ненароком заселён
людьми. Всё это очень экзотично,
и чувствуешь иную кровь.
На площади, задуманною солнцем,
изящные стоят аркады,
красивые цветы, вращённые из южных
семян, развеянных когда-то добрым ветром.

А вокруг широкая долина, простёртая
до поднебесных вершин. И дальше,
над пологим краем горы, что прилегает
к высокогорному массиву,
расположилась маленькая деревушка,
посаженная ясно-четко на голубое небо.

А по вечерам на площади капелла
играет страстные мелодии, –
немного фальши, но довольно смело, -
всё, как положено на Юге.
И снова жизни обретаешь цену!
Так будь же славен, ты, весёлый град!

17. ЗАГЛЯДЫВАЯ НА ЮГ

По ту сторону гор – Италия,
светло и ясно над её вершинами
восходит солнце или месяц,
тогда как здесь собрались тучи. Издалёка
я ощущаю свет Италии,
вечные истины жизни,
и бытие парящее,
милость небес и земли...

По ту сторону гор – Италия –
родина не моя.
Но кажется мне иногда,
что лучше было б там, чем дома.
Уж так мы созданы,
что думаем всегда –
вот счастье где-то там,
завидуем тому, что где-то
всё устроено иначе.

Конечно, счастье должен
чертополох найти в своей земле,
и пересаженный в прекрасный сад,
он ни за что не станет розой.
Но если будите вы скромно молчаливы,
то может и на вашу долю выпасть счастье.

18.РЕШЕНИЕ

Тоска и дальше будет
меня буравить. Как мы это любим!
«Тоска, но по чему?»
по жизни иной,
по старым временам,
где человек, природа были
едины, – всё в согласии со всем,
всем сущим!
«Пойми, пойми, душа,
что этого нам не дано!
И не было с тобою никогда».
И ты всегда желала
того, что невозможно!
Люби весь мир, каков он есть!
Люби себя, какой ты есть!
Без исключенья! Без оглядки! Значит
я буду жить теперь, как дух свободный,
который сам себе укажет направление,
и буду я любить судьбу свою,
своё предназначенье,
и буду тосковать всегда,
так долго, и пока
горит свеча моя!

19. ДОМОЙ

Скорый поезд везёт меня домой обратно.

Странствиям пришёл конец.

Стремительно проносятся поля,

лес, городишко,

замок и часовня.

И снова

боль прошедшего я чувствую,

но скоро будет ясно:

всякий конец –

это начало нового.

Я снова буду странствовать,

и буду делать это

вполне охотно. И может, повезёт

открыть мне родину свою,

по возвращенью.

Хотела б ты,

прекрасная страна,

стать родиной моей,

отечеством любимым?

20. ЭПИЛОГ

Наутро, после возвращения
я проходил деревню Вейндорф,
что на востоке. Странная дорога
ведёт туда. Ни дома по пути,
ни для приветствия раскрытого окна,
а мрачные постройки
такие низкие, и узкие ворота,
что склеп восточного царя.
И он действительно там спит,
в тиши за грубой вывеской: *Вино*.
А на воротах удивительное изречение,
уместное и на могиле,
и в винном погребце:
«Живу, не знаю сколько,
умру, не знаю когда,
иду, не зная куда.
Но странно, что счастлив я».

Я застыл удивлённый в молчаньи.
Что это – конечная суть путешествий,
а может, и жизни самой? Так близко?
Извечный парадокс вселенной!
А может быть лучше не так?
Давай-ка, подумай об этом:
живу, не знаю сколько,
умру, не знаю когда,
иду, не зная куда,
но не удивляюсь всё же
тому, что счастлив я.

Перевод Н. Шлифштейн, Л.Гофман
